

УДК 94(420).07

Даниэль Дефо и становление криминальной биографии в XVIII столетии («Правдивое и подлинное описание жизни и деяний Джонатана Уайлда», 1725)

И. М. Эрлихсон

Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, профессор кафедры социальной психологии и социальной работы; Академия ФСИН России, Рязань, i.erlihsn@365.rsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема становления криминальной биографии как одной из форм интерпретации событийной истории. На примере биографии знаменитого лондонского преступника Джонатана Уайлда за авторством Д. Дефо показано, как события жизни реального исторического персонажа трансформировались в миф, обретший самостоятельную жизнь в коллективном сознании и отразившийся в сферах художественной культуры в течение последующих столетий. На протяжении повествования писатель структурирует факты таким образом, что читатель приходит к выводу о закономерности трагической судьбы своего героя. Впоследствии этот текст стал выполнять функцию ресурса для дискурсов и репрезентаций образа Уайлда, который прочно вошел в архив лондонской криминальной мифологии.

Ключевые слова: Д. Дефо, Дж. Уайлд, XVIII век, Англия, преступление, криминальная биография.

Поступила в редакцию: 21.03.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Daniel Defoe and Criminal Biography Establishment in the 18th Century (“The True and Genuine Account of the Life and Actions of the Late Jonathan Wild, not Made up of Fiction and Fable, but Taken from his Own Mouth, and Collected from Papers of his Own Writing”, 1725)

I. M. Erlihson

Irina M. Erlihson, <https://orcid.org/0000-0002-4619-1354>, Ryazan State University named for S. A. Yesenin, 46 Svoboda St., Ryazan 390000, Russia; Academy of the FPS of Russia, 1 Sennaya St., Ryazan 390000, Russia, i.erlihsn@365.rsu.edu.ru

The author investigates the problem of a criminal biography establishment as a form of event history interpretation. On the example of the famous London criminal Jonathan Wilde's biography by D. Defoe we show how a real historical character life was being transformed into a myth that gained independent life in the collective consciousness and reflected in different spheres of artistic culture over the next centuries. Throughout the paper the writer structures the facts, leading the reader to the logical conclusion about the hero's tragic fate. This text began to serve as a resource for subsequent discourses and repre-

sentations of Wild's image, who firmly entered the archive of London criminal mythology.

Keywords: D. Defoe, J. Wild, 18th Century, England, crime, criminal biography.

Received: 21.03.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-526-534>

В XVIII столетии Англия столкнулась с прогрессирующим ростом преступности, который озадачивал и панически пугал просвещённую общественность. Наиболее остро эта проблема стояла в Лондоне, одном из самых населённых европейских мегаполисов. Начавшаяся во второй половине XVI в. массовая миграция в столицу Англии вкупе с устойчивым демографическим ростом привела к изменениям в географии Лондона, который в описываемый период выплеснулся далеко за границы старинных стен Сити, трансформация культуры потребления и усложнение экономической жизни – все это стало питательным субстратом для криминализации городской жизни. Когда в 1717 г. Э. Хемминг потерял патент на установку на столичных улицах фонарей (фонари представляли собой лампы из толстого стекла, в качестве топлива использовались растительные масла и китовый жир), лондонская преступность более чем на три десятилетия погрузилась в кровавый мрак во всех смыслах. «Респектабельные буржуа превращали свои дома в неприступные цитадели с “гарнизонами” слуг и выходили вооружёнными до зубов на сумрачные улицы, кишевшие бесчисленными лежбищами и притонами, в которых розыск преступников был столь же затруднителен, как и поиск иголки в стоге сена»¹.

По свидетельству Р. Уорда, «к началу второй четверти XVIII в. перед судом Олд-Бейли (*англ.* Old Bailey – традиционное название английского центрального уголовного суда по тяжким и другим преступлениям, вызвавшим широкий общественный резонанс) каждый год представляло около 500 человек, в то время как в соседних относительно плотно населённых графствах Эссексе и Суррей количество осуждённых не превышало и ста человек в год. Была и еще одна особенность. В Лондоне приговоры выносились, в основном, за тяжёлые преступления, связанные с покушением на чужое имущество, такие как кражи со взломом и вооружённый разбой, а также убийства»².

Отечественный историк права А. Кистяковский в диссертации, посвященной смертной казни, приводит следующие данные: в Лондоне с 1749 по 1772 г. было приговорено к смертной казни 1 тыс. 121 чел.³, а, по подсчетам британского историка В. Гэтрелла, в Англии в период между 1780 и 1830 гг. к смертной казни были приговорены 35 тыс. чел.⁴.

В XVIII в. преступление настолько прочно интегрировалось в жизнь англичан, что стало неотъемлемым элементом социокультурной реальности. Прямые и косвенные свидетельства эскалации преступности содержатся в самых разнообразных источниках – периодических изданиях, мемуарах и дневниках современников, отчетах о судебных процессах Олд-Бейли, Ньюгейтских календарях, художественных произведениях. К XVIII столетию относится зарождение криминальной биографии, позиционирующей себя как молодой агрессивный жанр с растущей популярностью среди читателей и естественной тенденцией поглощать более старые и примитивные формы – народные сказки, баллады, журналистские заметки, стенограммы судебных заседаний, «кистинные признания» и «благочестивые проповеди», привнося в изложение большую человеческую глубину, историческую точность и достоверность. Это была настоящая литературная революция. В новой биографии был представлен материал о состоянии человека – без социального статуса, образования, состояния – но тем не менее обладающего яркой индивидуальностью с неординарной душевной организацией, что и стало достаточным основанием для того, чтобы его сочли достойным запечатлеть в вечности.

Становление криминальной биографии неразрывно связано с именем Даниэля Дефо, чья гениальная способность идентифицировать себя со своими персонажами вкупе с анонимным авторством стирала грань между истиной и художественным вымыслом. По справедливому утверждению Лесли Стивена, «Дефо, если изъясняться на языке “Тысячи и одной ночи”, был дарован язык, который буквально гипнотизировал слушателей, заставляя верить каждому слову. Талант, служивший своему обладателю лучше острых мечей, плащей-невидимок и прочей волшебной атрибутики. Иными словами, он удивительным образом придавал правдоподобие своим рассказам, даже если в них не было ничего кроме лжи»⁵. Естественно, следует учитывать немаловажное обстоятельство, что если Дефо что-то и «выдумывал», то только то, что соотносилось с миром его современников, потенциальных читателей.

В июне 1725 г. Дефо публикует «Правдивое и подлинное описание жизни и деяний Джонатана Уайлда», где была представлена биография легендарного “короля” лондонского преступного дна. Он нес личную ответственность за поимку и казнь более 120 преступников с тех пор как начал свою деятельность в 1714 г., и накопил целое

состояние за счет наградных денег. Джонатан Уайлд также эффективно руководил организацией по отслеживанию и возвращению похищенной собственности. Говорили, что он может вернуть все, будь то бриллиантовое кольцо или целая партия фламандских кружев. «Его энциклопедическая осведомленность о том, что происходило в лондонском криминальном мире, способность узнавать, кто именно украл ту или иную вещь в сочетании с тем обстоятельством, что он сам организовывал банды и распределял их по районам, его понимание преступной мотивации делали его исключительно опасным в амплуа “воролова”»⁶.

24 мая 1725 г. Уайлд был казнен по обвинению в скупке и перепродаже краденых товаров. Полубесчувственного в состоянии наркотического транса, его погрузили в телегу и доставили в Тайберн к месту казни. Подобная манера поведения на эшафоте явно не могла найти сочувственный отклик в толпе, которая в значительной степени состояла из представителей лондонского воровского братства, более 14 лет находившегося под железной пятой Уайлда. В бывшего короля лондонского преступного дна летели камни и куски грязи, а толпа, обычно симпатизирующая несчастным жертвам правосудия, исходила проклятиями и гневными воплями и чуть не разорвала в клочья замешкавшегося палача, требуя привести приговор в исполнение без секунды промедления.

Здесь надо отметить, что первое упоминание Дефо об Уайлде встречается в заметке от 9 декабря 1721 г., в которой сообщалось об участившихся случаях ограбления карет. В 1724 г. Дефо неоднократно называл его имя в статьях о побегах Джона Шеппарда (1702–1724), знаменитого английского преступника XVIII в., прославившегося своими дерзкими преступлениями, беспрецедентными побегами из Ньюгейтской тюрьмы, а также абсолютным пренебрежением к закону. Д. Дефо посвятил ему два биографических очерка ([Defoe D.] The history of the remarkable life of John Sheppard. London, 1724; Defoe D. A narrative of all the robberies, escapes etc. of John Sheppard. London, 1724). Спустя 5 дней после его казни (29 мая 1725 г.) увидела свет статья Дефо «Казнь Джонатана Уайлда». Дж. Шеппарди и Дж. Уайлд как герои лондонской криминальной мифологии традиционно противопоставляются друг другу, что нашло отражение в различных сферах художественного творчества.

«Истинное и подлинное повествование о Джонатане Уайлде» отличается строгостью тона, в котором явственно звучит голос самого Дефо – шестидесятилетнего гражданина Лондона, семьянина, опытного литератора, блестящего знатока человеческого характера. Он полностью отвергает насмешливо-ироничный ньюгейтский стиль изложения, подчеркивая моральную ценность строгой биографической правды. «Этот трактат предназначен не для тех, кто жаждет пустых развлечений, а тех, кто желает составить

истинное представление о природе событий и вещей, и умеет отличать правду от вымысла...»⁷. Как высокопарно декларирует Дефо, он не собирается делать из жизни героя забавную историю, ибо она сама по себе является трагедией.

Преступная карьера Уайлда не вписывалась в классическую карьеру «тайбернского висельника», что создавало определенные сложности его биографам. «Обычно из подобного рода жизнеописаний легко выводилась мораль, гласящая, что праздность и безответственность ведут к нравственному разложению, а затем и к преступлению, и потому лучшая линия поведения – честность и следование букве закона. В истории Уайлда было непонятно, в чем состояла мораль, и была ли она вообще... Поэтому тайбернские журналисты прилагали массу усилий, чтобы разместить картину его деятельности в прокрустово ложе современной им идеологии преступления»⁸.

Необходимо отметить, что журналистика того времени руководствовалась очень свободными стандартами фактической точности изложения и потому трудно установить, чем была обусловлена недостоверность – злонамеренным искажением или следствием авторской небрежности. Так, в очерке некоего Уэйли (Weighley) Джонатан Уайлд был представлен как рядовой вор, якобы приобщившийся к нелегальной деятельности еще в родном Вулверхэмптоне в 1704–1705 гг., хотя официально зарегистрированных преступных эпизодов до 1709 г. не имелось. Потому Дефо во введении откровенно сетует на то, что нет ни одной напечатанной истории об Уайлде, куда не были бы вкраплены частицы лжи, которой его недобросовестные коллеги с Граб-стрит декорируют неудобные факты. «Я хотел представить свой скромный труд на суд публики еще раньше, но боялся, что его разберут по частям писаки с Граб-стрит, которые печатают без разбора все то, что принесет им хотя бы один пенни»⁹. А. В. Подгорский, объясняя не свойственную Дефо нерасторопность, отмечает, что «писатель не просто задерживал публикацию, а накапливал материал, осмысливал его»¹⁰.

Уже с первых страниц Дефо, обычно снисходительный к людским слабостям, не щадит своего героя, хотя, как ни парадоксально, делает это с оттенком восхищения. «История этого злосчастного негодяя полна событиями слишком нетривиальными, чтобы уместить их в этот трактат, потому мы вынуждены сократить их и осветить самые значимые этапы его жизни. А жизнь его – исключительное явление, поведение неподражаемо, а профессиональная деятельность настолько необычна, что должна умереть вместе с ним. Каждое его деяние преступно и заслуживает виселицы. Защищая одних преступников и выдавая других, он одновременно содействовал общественному благу и попирает его. Звериная жестокость характера помогала ему расправляться с самыми опасными бандами, она же заставляла

его совершать дерзкие и опрометчивые поступки, которые и стали причиной его падения. Нет такого злодеяния, которое бы не совершил Джонатан Уайлд за шестнадцать лет своего безраздельного и не имеющего аналогов правления»¹¹. Такая выразительная и емкая преамбула в сжатом виде передает квинтэссенцию фактов, излагаемых непосредственно в биографическом очерке.

Итак, Джонатан Уайлд родился в 1683 г. в городе Вулверхэмптон графства Стаффордшир в семье кровельщика и торговли фруктами и травами, в высшей степени порядочных людей. Он был обучен грамоте, служил подмастерьем в Бирмингеме, затем поступил в услужение к советнику мистеру Даниэлю и переехал с ним в Лондон в 1704 г. «Не знаем, как он исполнял свои обязанности, и проявились ли уже тогда его дурные склонности, но его уволили, после чего он вернулся в Вулверхэмптон, где некоторое время честно трудился, но быстро *утомился* и уехал в Лондон»¹².

В Лондоне Уайлд занимался производством и торговлей скобяными изделиями, но его единственная попытка заняться легальным бизнесом закончилась тем, что он оказался в долговой тюрьме Вудстрит Комптер. Как назидательно отмечает Дефо, он уже тогда не отличался умеренностью и потребности его превышали уровень дохода. Так как у Уайлда на тот момент не было ни денег, ни связей, он попал на общую сторону (Commons), блок для содержания низшего класса заключенных. Вплоть до середины XIX в. степень свободы и уровень комфорта обитателей долговой тюрьмы зависели от степени коммерциализации учреждения и уровня материального достатка для оплаты пакета «социальных услуг», предоставляемых тюремным персоналом.

Система отношений между заключенными и администрацией оттачивалась не одно столетие, причем первые, несмотря на численное превосходство и относительную свободу в условиях абсолютного произвола, крайне редко прибегали к силовым методам решения проблем. Заключенные были скорее клиентами тюремных чиновников, подчиняясь им на основе договоренности. Эта среда оказалась идеальной для проявления коммуникативных и социальных навыков Уайлда, который быстро расположил к себе администрацию «получил немало милостей со стороны хранителей тюрьмы, а среди них “свободу ворот”, как они это называют»¹³.

На Уайлда возложили обязанности следить, чтобы в окрестностях тюрьмы не было ночных инцидентов, а «вскоре обличили таким доверием, что он сопровождал охрану и мирового судью в погоне за зачинщиками и даже получал за это вознаграждение в один пенни»¹⁴. Так, на начальной ступени карьерного старта Уайлд приобщился к двум дьявольским искушениям – деньгам и власти, а вскоре к ним присоединилось и третье – в лице проститутки Мэри Миллинер. И это несмотря на

то, что у Джонатана осталась в Вулверхэмптоне жена и сын, а у Мэри не было супруга. Подозревал ли скромный лодочник о бурной личной жизни Мэри, которая открыто сожительствовала с другим мужчиной, неизвестно, но она входит в список шести жен Уайлда под номером два. Дефо вообще интересуется сюжетом о многоженстве Уайлда, и читатель неожиданно обнаруживает, что некоторые из них были уважаемыми дамами, и, очевидно, были отданы ему. Так, его третья супруга Элизабет Мэн, «превосходная жена», была в высшей степени добропорядочной католичкой, которая, по утверждению автора, так пленила его своей набожностью и благочестием, что он завещал похоронить себя рядом с ней. Но безутешным вдовцом он оставался недолго, женившись на Саре Парин, а затем на Джудит Нан, которая родила ему дочь. Дефо подробно останавливается на последнем шестом союзе Уайлда с Мэри Дин, в девичестве Браун.

Жутковатую пикантность этой истории придает тот факт, что на момент заключения брака две бывшие жены счастливого «новобрачного» находились в добром здравии, а вот Мэри была вдовой, причем ее супруг, известный в криминальных кругах взломщик по прозвищу «Череп» был отправлен на виселицу в 1716 или 1717 г., как уверяли злые языки, не без содействия Джонатана. Впрочем, оговаривается Дефо, «я не полагаюсь на досужие сплетни, не подкрепленные солидным свидетельством»¹⁵. Примечательно, что Мэри дважды пыталась покончить с собой, когда Уайлд был приговорен к смертной казни.

Итак, Мэри Миллинер ввела Джонатана в преступный мир и вскоре он познал тонкости его устройства и специфику функционирования. Дела его пошли так хорошо, что он без сожалений расстался со своей «благодетельницей». Большая часть первой половины «Повествования» посвящена тщательному анализу блестящих методов Уайлда по возвращению украденной собственности и контролю банд по всему Лондону. «После того как в правление Вильгельма III был принят Акт о запрете скупки краденого, риски скупщиков многократно возросли, и потому они стали брать высокий процент, в том время как бедным ворах приходилось довольствоваться ничтожной долей... Воровское ремесло начало было угасать, но Уайлд изыскал возможность вдохнуть в него новую жизнь»¹⁶.

Изначально с помощью Миллинер он узнавал, какой именно дом ограблен, распоряжался отправить добычу в заранее оговоренное место, а затем выступал в роли «честного маклера», предлагал пострадавшим свое посредничество. «На Уайлда и Миллинер изливалась восторженная благодарность, и они принимали ее, сетуя, что они не смогли выявить грабителей и сдать их в руки правосудия для заслуженного наказания»¹⁷. Стремительным карьерным взлетом Уайлд был обязан тесному сотрудничеству с Чарльзом Хитченем,

занимавшим должность младшего городского маршала с 1712 г. Чарльз Хитчен собирал взятки с торговцев, торговавших без лицензии, содержателей борделей, преступников, желавших избежать ареста, а также скупал краденое, часть которого возвращал бывшим владельцам за вознаграждение. Когда Уайлд стал уничтожать преступников, работавших на Хитчена, тот попытался выступить с публичным разоблачением, но Уайлд пригрозил обнародовать информацию о гомосексуальных связях маршала, благодаря чему вывел его из игры и получил полный контроль над криминальным миром Лондона.

Дефо с тонкой иронией обыгрывает тему «ловкости» и «честности» Уайлда. Практикуя шантаж, вымогательство, запугивание, он тем не менее всегда оставался в рамках буквы закона: «К славе Джонатана должно признать, что, когда он лавировал среди скал и отмелей, он был смелым кормчим; он рисковал и всегда выходил сухим из воды; как не удавалось ни одному человеку до него...»¹⁸.

Дефо подчеркивает, что Уайлд умело использовал несовершенство английского законодательства: начиная с 1692 г., действовал закон, согласно которому за помощь в поимке и задержании преступника полагалось вознаграждение в размере 40 фунтов¹⁹. Уайлд становится «Верховным вороводителем Великобритании и Ирландии». «Как вороводитель он был энергичен, умен и храбр; он использовал разветвленную агентурную сеть и обладал недюжинными способностями сыщика... В 1720 году он раскрыл несколько известных лондонских шаек, а в 1724 году произвел самый шумевший арест. Джек Шеппард и его сообщник Блускин Блэк оказались за решеткой и были осуждены за ограбление и после нескольких неудачных побегов Шеппарда повешены в Тайберне»²⁰.

Показательно, что Дефо исследует психологический и эмоциональный фон преступной карьеры Уайлда. Базовыми в структуре его характера были такие качества, как исключительная скрупулезность и звериная жестокость. Остановимся подробнее на каждом из них. «... Уайлд был провинциальным мальчиком из Вулверхэмптона, амбициозным, контролирующим и одержимо дошным в своих привычках. Он содержал офис, как деловой человек, вел бухгалтерские книги с максимальной точностью и регулярностью. Он всегда был властным и манипулирующим»²¹. «Он был мастером, достигшим в своем ремесле невиданных высот. И бедняки, и богачи равно устремлялись к нему. Если терялась какая-то вещь по недосмотру, беспечности владельца или вине вора, мы шли к мистеру Уайлду. Насколько была ослеплена и одурочена нация, наделив его доверием, которым он столь бесстыдно злоупотреблял?», – восклицает Дефо²².

Безусловно, таланты Уайлда лежали в сфере административного менеджмента. За долгие годы

схема была отработана безупречно: его контора неподалеку от Олд-Бейли была открыта для всех, за первый визит следовало уплатить взнос в размере одной кроны, после чего Джонатан непременно задавал вопросы о месте жительства, обстоятельствах, при которых была потеряна вещь.

Во второй визит клиента уведомляли, что условия изменились и за пропавшую вещь просят больше оговоренной суммы, а Джонатан уверял, что приложит максимум усилий, чтобы сделать вора более сговорчивым. «Едва ли он мог осуществлять свои чудовищные деяния, не взаимодействуя напрямую с преступным миром, хотя сам он отрицал это, утверждая, что знакомство его было опосредованным, а получаемое вознаграждение сравнивал с гонораром стряпчего»²³. Формально все так и выглядело. Улаживая дело, Джонатан обставлял все так, чтобы складывалась иллюзия его личной материальной незаинтересованности и отсутствия личного контакта с похитителем.

Он посылал своего помощника к вору с сообщением, что «если он ему друг, то принесет украденное в определенное место и получит вознаграждение в десять гиней, а если нет, то будет сурово наказан»²⁴. Вор не видел Джонатана, потерпевший сам привозил и передавал деньги, причем вор впоследствии отчислял Уайлду более 50% от суммы, а благодарность за помощь в обретении утраченного неизменно облекалась в материальную форму, и что немаловажно, это происходило по желанию и доброй воле клиента, а не по прейскуранту. Позже из допросов станет ясно, что фантастическая осведомленность Джонатана объяснялась довольно прозаично: он сам и организовывал эти ограбления и контролировал лондонское «воровское братство», распределяя преступные элементы по кварталам, что давало ему возможность безошибочной идентификации пропавшей вещи и похитителя.

В течение нескольких лет Уайлд создавал себе репутацию исключительно честного человека, стоящего на страже закона, и преуспел в этом, впрочем, как и в искусстве манипуляций. Дефо упоминает, что он сам когда-то вынужден был прибегнуть к услугам Уайлда, когда у него украли шпагу с серебряной рукоятью на Стэрбриджской ярмарке. Насколько это соответствует истине, остается вопросом, так как, на наш взгляд, Дефо мог включить описание визита для придания достоверности своему изложению и создания эффекта сопричастности с читателями, многие из которых обращались к Уайлду за помощью в сходной ситуации. Впрочем, вещь так и не вернулась к владельцу, так как ее, судя по всему, успели сбыть с рук раньше, чем люди Уайлда обнаружили похитителя.

Источниками финансовых потоков Уайлда были доходы от «посреднической» деятельности и вознаграждение, которое он получал за сдачу

преступников государству, которое таким образом подтверждало свой статус гаранта прав и свобод граждан. Дефо высказывает опасение, что «ньюгейтские богословы могут назвать это честным способом получения денег», тем более, с формальной точки зрения все так и выглядело. «Он действовал с быстротой и сноровкой, благодаря чему получил признание и репутацию человека, стоящего на страже общественного спокойствия и способствующего отправлению правосудия»²⁵. Но Уайлд был не просто вдохновителем и организатором львиной доли преступлений, совершавшихся в Лондоне, он поддерживал процесс криминальной инициации в режиме непрерывного движения, постоянно подпитывая его свежими «кадрами». Сначала он вовлекал людей в преступную деятельность, а затем избавлялся от них, получая награду. Если кто-то не принимал его условия, бунтовал, произносил дерзкие речи, то судьба этого смельчака была предрешена.

Уайлд знал все притоны и у него было достаточно рычагов влияния на обитателей лондонского дна и, что немаловажно, в кругах Олд-Бейли. Он мог заставить главарей банд выдать непокорного властям, скорректировать свидетельские показания для того, чтобы обеспечить нужный исход судебного процесса. «Периодически он отправлял своих “клиентов” на виселицу, не забывая упомянуть свой вклад в поимку преступника и избавление общества от опасных элементов... Сколько несчастных он умертвил подобным образом, не могу сказать, но учитывая длительный период, в течение которого он практиковал свое ремесло, могу предположить, что число их было весьма внушительным»²⁶.

Ему были чужды жалость и сострадание, он уничтожал любого, кто осмеливался оспаривать его власть. «Почему тираны так кровожадны? Не потому ли, что они заботятся о своей безопасности? Не потому ли, что их трусость видит лучшее средство избавиться от опасности в том, чтобы истребить всех, вплоть до женщин, кто только способен встать против них, кто может нанести им хотя бы малейший ущерб?»²⁷. Абсолютно справедливое в отношении Уайлда утверждение, демонстрирует эпизод с покушением на убийство, предпринятым Джозефом Блэком. «Блускина доставили из Ньюгейта в Олд-Бейли, и перед заседанием суда он спросил у мистера Уайлда, ожидавшего во дворе с бокалом вина: “Может, Вы замолвите за меня словечко?”, на что Уайлд ответил: “Я не могу, ведь ты фактически мертвец, и будешь вздернут очень скоро”»²⁸.

Более всего Дефо удручало то, что «дьявольское ремесло» затягивало детей, из которых «их великий наставник и непревзойденный виртуоз своего дела Джонатан Уайлд воспитывал банды отпетых негодяев и шлюх... Можно бесконечно перечислять его уловки, которые он практиковал в течение шестнадцати лет, хотя в назидательных целях было бы полезно дать подробный отчет

о тех жалких существах, которых он приобщал к преступлению, присваивал себе извлекаемую ими незаконную прибыль, и когда они выказывали тягу к самостоятельности, отдавал в руки правительства...»²⁹.

Молодое поколение воров Уайлд держал «в черном теле», подвергая их безжалостной эксплуатации, причем более всего Дефо возмущал тот факт, что криминальная инициация совершалась под лицемерным прикрытием филантропии: «Мне поведали не одну историю, коим я имею основания доверять, об обездоленных детях, скитающихся по улицам Лондона, которых он подобрал под предлогом попечения о них, и все они без исключения стали ворами или мошенниками. Чудовищная жестокость! Его благотворительность обернулась тем, что многие из них были повешены за те преступления, которым он обучил их!»³⁰. Мнимое милосердие – прямая дорога в ад, развращение души и ума. Впрочем, как отмечает Дефо, этот сюжет требует длительного изложения, выходящего за рамки памфлета, воплощенного тремя годами ранее в «Истории весьма замечательной жизни... полковника Жака»: «Ведя рассказ от лица Джека-полковника, Дефо, не прибегая ни к риторике, ни к сентиментальности, показывает всю чудовищность положения этих отверженных детей, которое им самим кажется вполне обыкновенным»³¹.

По мере того, как Уайлд становился известным все более широкому кругу лондонцев, ненависть к нему и его «бизнесу» возрастала. Кроме всего прочего, он вел контрабандную торговлю с Голландией и Фландрией, сбывая золотые часы, табакерки, кольца, кредитные билеты. Когда капитан Джонсон, командовавший судном и входивший в «ближний круг», бежал из-под ареста, Уайлда обвинили в пособничестве и 15 февраля 1725 г. он был задержан и помещен в Ньюгейтскую тюрьму. Там он продолжил встречаться с клиентами и имел неосторожность принять 10 гиней за возвращение коробки кружев некоей Кэтрин Стетхем. Этим он нарушил закон 1718 г., объявляющий преступлением не только укрывание краденого, но и получение вознаграждения за возвращение краденого. Владелица кружев и два вора, «подопечных» Уайлда, выступили свидетелями и против него было выдвинуто новое обвинение. 15 мая 1725 г. ему был вынесен приговор: его преступления были зафиксированы в 11 пунктах, включавших в себя создание корпорации преступников, разделение города на сферы влияния, сокрытие беглых преступников, контрабанда и т.д.³²

Дефо деловито и лаконично фиксирует факты, мастерски отображая психологическое состояние человека, приговоренного к смертной казни. После объявления приговора охваченный ужасом Уайлд сначала «отказался посещать службу под предлогом подагры, хотя на самом деле боялся стать предметом насмешек и издевательств... В

этом проклятом Богом месте, где преступники ожидают смертного часа, обычно читаются молитвы, и он слушал их, хотя внешне не проявлял ничего, хотя бы отдаленно напоминающего раскаяние. Основные его вопросы священнику касались того, что собой представляет невидимый мир, ожидающий его за порогом вечности»³³.

Страх смерти – явление исключительно сложной комплексной природы, складывающейся из экзистенциальных, психобиологических и религиозных факторов. В периодизации отношения человека к смерти, предложенной французским историком Филиппом Арьесом, XVIII в. приходится на третий этап «смерть далекая и близкая» (*la mort lounge et proche*), когда происходит крах механизмов природы и возвращение смерти ее неукротенной сущности. «В Новое время человек, может быть, еще более остро переживает смерть... В «модели естественнонаучного человека»... смерть есть полное лишение, даже исчезновение, которое... воспринимается как своеобразное убийство, мучение, насилие над живой личностью»³⁴. А учитывая то обстоятельство, что в мировоззрении XVIII в. мораль и нравственность были еще неразрывно связаны с религией, никто не мог быть полностью уверен в том, что в загробной жизни избежит мук ада. Джонатан Уайлд по своим деяниям вполне заслужил их, но, погрязнув в грехе и пороке, решил максимально облегчить момент перехода в загробный мир. «Он предавался рассуждениям о допустимости избавления от мирских страданий, почитаемого древними римлянами в качестве знака доблести и мужественности. Это стало достаточным для того, чтобы зрители усилили надзор, дабы не допустить насилия в отношении самого себя, но он сумел обмануть их, за день до казни заполучив в свое распоряжение пузырьки с лауданумом (настойкой опиума. – И. Э.) и незаметно выпил его». Надзиратели заметили это только тогда, когда он, полностью одурманенный наркотиком, был не в состоянии поднять голову и открыть глаза. Два его товарища по несчастью попытались поднять его и, поддерживая под руки, водили по камере, чтобы привести в чувство. «Эта прогулка, взбодрив его, имела еще и иные последствия: с его лица сошла краска, оно покрылось ужасной бледностью и испариной, так как будто он собирался потерять сознание, а затем его чудовищно вырвало, причем с рвотными массами он изрыгнул большую часть лауданума, не успевшего перемешаться с желудочными соками»³⁵.

Может, и Уайлду мерещились люди, которых он отправил на эшафот, и он подобно диккенсовскому Фейджину видел связанные руки и искаженные предсмертной мукой лица тех, кого он безжалостно отправлял на казнь? Дефо, чья проза свободна от театрально-патетических эффектов, естественно, об этом не сообщает. Остается догадываться, какие темные бездны разверзались в сознании Уайлда, когда он оказался наедине со

своей совестью. «Тесно связанной с темой толпы оказывается тема одиночества героя, носящей одновременно психологический и социальный характер. Психологическая отчужденность проходит стадии от кошмарного сна через изменение сознания с помощью опиума или алкоголя до полного безумия»³⁶.

Абсолютно будничным тоном Дефо повествует о том, что Уайлд несколько оживился, так что мог самостоятельно передвигаться, хотя по-прежнему находился, как будто, в полусне, до конца не осознавая, что с ним происходит. В понедельник 24 мая 1724 г. его полубесчувственного погрузили в телегу и доставили в Тайберн к месту казни, где разыгрался последний акт трагедии под аккомпанемент криков толпы, которая вошла в экстатическое состояние, правда абсолютно иного толка, чем в день казни Шеппарда. Дерзкая бравада и элегантность последнего резко контрастируют с животной покорностью Уайлда, пребывающего в наркотическом трансе, в халате, заляпанном следами от рвоты. «Если быть кратким, то всеобщая ярость охватила людей, которых удовлетворила бы только его смерть, – констатирует Дефо, – и если бы исполнение приговора было бы вдруг отложено, офицеры едва ли смогли бы доставить его обратно в тюрьму, и скорее всего он скончался бы по дороге от ран, нанесенных толпой»³⁷.

Итак, корыстолюбие Джонатана привело его на виселицу, где ранее при его непосредственном участии оказались более 120 чел. По мнению Дефо, это было заслуженное наказание, ибо деяния Уайлда, приобщавшего свои жертвы к воровскому ремеслу, а затем, отдававшего их во власть уголовного законодательства, являются ничем иным, как изощренным убийством, несмотря на то, что расценивались государством как проявления гражданской добродетели.

Несмотря на отдельные, отмеченные морализаторским пафосом пассажи, в целом биографический очерк выдержан в прохладном криминалистическом стиле. Дефо пишет об Уайлде как о «гениальном художнике», совершающем изысканные злодеяния. Биография Уайлда идеальна для анализа в рамках казуального подхода, предложенного Ю. Л. Бессмертным и нашедшего отражение в статье Э. Грэнди, который пишет: «Соглашусь, что индивидуальное поведение может изучаться и через анализ случаев, в которых человек выбирает между различными вариантами принятых норм. Но наиболее показательны все-таки казусы, в которых персонаж избирает вовсе не апробировавшийся до сих пор вариант поведения. Это может быть поведение, пренебрегавшее нормами, или абсолютизовавшее их (рациональное капиталистическое «предприятие» Уайлда и его безукоризненное «служение» закону. – И. Э.)...»³⁸.

Именно общественный резонанс вокруг Уайлда и Шеппарда привлек внимание Дефо, во

многим благодаря которому их поведенческие паттерны превратились в исторические казусы, сохранившиеся в коллективной социальной памяти. «Возможно, что стареющий Дефо не одобрял легенды, которые быстро кристаллизовались вокруг Шеппарда и Уайлда, хотя, будучи их биографом, он в значительной степени нес ответственность за них»³⁹.

Создание мифов началось быстро. Так, через несколько месяцев после казни Уайлда пантомима «Арлекин Шеппард» с успехом шла на Смитфилдском рынке в разгар Варфоломеевской ярмарки. В 1728 г. последовала упоминаемая выше «Опера нищего» Д. Гэя – «ньюгейтская пастораль», в которой Уайлд превратился в скупщика краденого Пичема. Спустя два столетия Аргур Конан Дойл сравнил Уайлда с гениальным злодеем Мориарти:

« – Джонатан Уайльд – не сыщик и не персонаж из книги. Это чрезвычайно ловкий преступник, и жил он в XVIII веке, где-то в 1750–х годах.

– Ну, тогда он мне ни к чему. Я человек дела.

– Мистер Мак, самым полезным делом для вас было бы запереться у себя дома месяца этак на три и по двенадцать часов в сутки изучать историю преступлений. Все в мире повторяется. Джонатан Уайльд управлял лондонскими преступниками, продал им свои мозги за пятнадцать процентов комиссионных. Колесо описало полный круг, и снова показалась та же спица»⁴⁰.

Прозорливость Дефо, на наш взгляд, проявилась в том, что в рассматриваемой биографии отображены тектонические сдвиги в общественной психологии, которые и породили Джонатана Уайлда как уникальное, не имеющее аналогов явление. Это знаковая фигура своего времени, чья деятельность, как лакмусовая бумага, показала зачаточные на тот момент признаки зарождения «человека массы», с одной стороны, и идеологии потребления, с другой.

Дефо очень четко выстраивал причинно-следственные связи между моральным разложением англичан и ростом благосостояния одних социальных групп на фоне тотального обнищания других. «Куда делось пресловутое мужество английской нации, когда джентльмена в сопровождении шести – семи слуг грабит один-единственный грабитель? Таких примеров множество, и мы должны благодарить за это взбитые парики, пудренные головы, чайные церемонии и прочие примеры постыдного и возмутительного фатовства»⁴¹.

Как справедливо отмечал М. Вебер, «богатство порицается лишь постольку, поскольку оно таит в себе искушение предаться лени, бездельности и грешным мирским наслаждениям, а стремление к богатству – лишь в том случае, если оно вызвано надеждой на беззаботную и веселую жизнь»⁴². В одной из статей, опубликованных в «Оригинальном журнале Эпплби», Дефо писал: «Что можно сказать в оправдание роскоши, не

довольствующейся одним экипажем и таким количеством слуг, которое позволяет размер состояния, жаждущим иметь все это в двукратном или троекратном размере, презрев соображения морали и добродетели и угрозу разорения своих потомков?»⁴³. Доступ к избыточным материальным благам приводит к моральному разложению, изначально на индивидуальном уровне, а затем по мере того, как процесс набирает обороты, к безудержному росту жизненных вожделений и убеждению в том, что эти блага являются естественными, и непоколебимой внутренней уверенности в своем будущем.

Разница между необходимостью и излишеством стирается, и то, что раньше считалось роскошью, превращается в необходимость. Дефо, заставший начальную фазу этого процесса, понимал, что именно бездумное стремление рядовых обывателей не задумываться об основах сложившегося строя, ни об основаниях собственной жизни, приводит к тому, что они старательно игнорируют то, что может нарушить стабильность их существования. В случае с Уйалдом внезапно и резко «поглупевшая нация» в течение длительного времени старательно закрывала глаза на очевидные факты, что фактически привело к появлению организованной преступности, опутавшей своими сетями как маргинальные элементы, так и вполне уважаемых граждан.

Таким образом, рассуждения Дефо о катастрофическом падении нравов отнюдь не являются банальным морализаторством, как может показаться на первый взгляд. Его проницательность проявилась главным образом в том, что он усматривал корни преступности в области нравственно-этических норм, одновременно связывая их трансформацию с влиянием набиравшего обороты капитализма, стремительно меняющего структуру общества и, соответственно, новым стилем мышления и поведения.

Примечания

- ¹ *McClynn F.* Crime and punishment in 18th century England. Routledge, 1989. P. 13.
- ² *Ward R. M.* Print, culture, crime and justice in 18th century London. London, 2014. P. 15–16.
- ³ См.: *Кистяковский А. Ф.* Исследование о сметной казни. Тула : АВТОГРАФ, 2000. (воспроизводится по изданию 1867 г., Киев).
- ⁴ *Gatrell V. A.* The hanging tree. Execution and the English people. 1770–1868. Oxford, 1996. P. 9.
- ⁵ *Stephen L.* Hours in a library : in 3 vols. London, 1899. Vol. 1. P. 17.
- ⁶ *Richter D.* Jonathan Wilde and the crime fiction // *Richter D.* Ideology and form in 18th Century literature. Texas, 1999. P. 108.
- ⁷ *Defoe D.* The true and genuine account of the life and actions of the late Jonatan Wild, not made up of fiction and fable, but taken from his own mouth, and collected from papers of his own writing. London, 1725. P. IV.
- ⁸ *Richter D.* *Op. cit.* P. 106.
- ⁹ *Defoe D.* The true and genuine account... P. V.
- ¹⁰ *Подгорский А.* Английские романисты о первом гангстере Европы, «Верховном вороловителе» Англии : очерк Д. Дефо “Жизнь и деяния покойного Джонатана Уайльда”, роман Г. Филдинга “История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого” // Факт и вымысел в английской литературе XVII–XVIII вв. / под ред. В. А. Лукова. Магнитогорск : КИВЦ А.О. «Магнитострой», 1993. С. 42–77.
- ¹¹ *Defoe D.* The true and genuine account... P. VI–VII.
- ¹² *Ibid.* P. 3.
- ¹³ *Ibid.* P. 4.
- ¹⁴ *Ibid.*
- ¹⁵ *Ibid.* P. 19.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 7–8.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 9.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 16.
- ¹⁹ *William and Mary, 1692 : An Act for encouraging the apprehending of Highway Men* [Chapter VIII Rot. Parl. pt. 3. nu. 3]. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol6/pp390-39> (дата обращения: 29.03.2020).
- ²⁰ *Подгорский А.* Указ. соч. С. 50.
- ²¹ *Holmes R.* Introduction // *Defoe on Sheppard and Wild : The history of the remarkable life of John Sheppard. A narrative of all the robberies, escapes etc. of John Sheppard. The True and Genuine Account of the Life and Actions of the Late Jonathan Wild by Daniel Defoe* / ed. with an introduction by R. Holmes. London : Harper Perennial, 2004. P. 20.
- ²² *Defoe D.* The true and genuine account... P. 20.
- ²³ *Ibid.* P. 21–22.
- ²⁴ *Ibid.* P. 22.
- ²⁵ *Ibid.* P. 14.
- ²⁶ *Ibid.* P. 13–14.
- ²⁷ *Монтень М.* Опыты. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2017. С. 685.
- ²⁸ [*Defoe D.*] The history of the remarkable life of John Sheppard. London, 1724. P. 38–39.
- ²⁹ *Defoe D.* The true and genuine account... P. 29–30.
- ³⁰ *Ibid.* P. 32–33.
- ³¹ *Елистратова А. Е.* Английский роман эпохи Просвещения. М. : Наука, 1966. С. 142.
- ³² The Newgate Calendar Comprising Interesting Memoirs of the most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England : in 4 vols. / by A. Knapp and W. Baldwin. London, 1824. Vol. 1. P. 248–249.
- ³³ *Defoe D.* The true and genuine account... P. 37.
- ³⁴ *Комлев А. А.* О природе страха смерти : история вопроса и гипотезы // Вестн. Томск. гос. ун-та, 2000. № 4(20). С. 38.
- ³⁵ *Defoe D.* The true and genuine account... P. 37–38.
- ³⁶ *Липчанская И. В.* Образ города в литературе постмодерна : к постановке вопроса // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 81.
- ³⁷ *Defoe D.* The true and genuine account... P. 39.
- ³⁸ *Гренди Э.* Споры о «Казусе». Ответы на вопросы // Ка-

- зус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М. : ИВИ РАН, 1996. Вып. 1. С. 306.
- ³⁹ *Holmes R.* Introduction // Defoe on Sheppard and Wild... P. 25.
- ⁴⁰ *Дойл А.* Долина страха. М. : Издание ФТМ, 1915. С. 12.
- ⁴¹ *Moreton A.* [*Defoe D.*] Second Thoughts are Best : Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. Oxford, 1841. P. 13.
- ⁴² См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3637/3644/> (дата обращения: 04.06.2019).
- ⁴³ Цит. по: *Backscheider P. R.* Daniel Defoe : His Life. Baltimore, 1989. P. 484.

Образец для цитирования:

Эрлихсон И. М. Даниэль Дефо и становление криминальной биографии в XVIII столетии («Правдивое и подлинное описание жизни и деяний Джонатана Уайлда», 1725) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 528–534. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-528-534>

Cite this article as:

Erlihson I. M. Daniel Defoe and Criminal Biography Establishment in the 18th Century (“The True and Genuine Account of the Life and Actions of the Late Jonathan Wild, not Made up of Fiction and Fable, but Taken from his Own Mouth, and Collected from Papers of his Own Writing”, 1725). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 528–534 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-528-534>
